

мыслителя переходят в тональность взволнованного призыва, как бы за-кольцовывая его творческий путь словами, вошедшими в последнюю поэтическую книгу Иванова «Свет вечерний»:

Ты, Память, Муз родившая, свята,
Бессмертия залог, венец сознания,
Нетленного в истлевшем красота!
Тебя зову ...

¹ Дешарт О. Предисловие // Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 137.

² Иванов Вячеслав. Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1979. Т.3. С. 92. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

³ Альтман М. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 88.

⁴ Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993. С. 59.

⁵ Асоян Ю. , Малафеев А. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков). М., 2000. С. 174. См. так же: Проскурина В. Ю. “Переписка из двух углов”: символика цитаты и структура текста // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып.2.

⁶ Подробнее об этом: Асоян Ю. Малафеев А. Указ. соч. С. 180.

⁷ См.: Берд Р. Обряд и миф в поздней лирике Вяч. Иванова (О стихотворении «Милы сретенские свечи») // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М., 2003.

⁸ Аверинцев С.С. «Скворещиц вольный гражданин...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. – СПб, 2001. С. 22.

Н.П. КРОХИНА

Шуйский государственный педагогический университет

СИНТЕЗ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ МЫСЛИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Культурологическое расширение сознания явилось воплощением искомого синтеза и целостности. Раскрытие символизма как миропонимания означало выявление важнейших аспектов синергического ядра культуры.

Culturological broadening of consciousness has become a personification of sought-for synthesis and integrity. The disclosure of symbolism as the world outlook means revealing the major aspects of the synergetic centre of the culture.

Ключевые слова: *синтез, всеединство, антропокосмизм, София, символ, музыка.*

Keywords: *Synthesis, unity, anthropocosmism, Sofia, symbol, music.*

В «прерванном полёте русской интеллектуальной традиции», в «незавершённом проекте» Серебряного века важнейшим и актуальным заветом является идея синтеза, получившая выражение в многообразных концептах эпохи (стиль модерн, символ и символизм как синтез, у Вл. Соловьёва – цельное знание, всеединство, София и Богочеловечество, русский космизм, или антропокосмизм, русская религиозная философия, панэстетизм, неомифологизм, новое религиозное сознание, идея культуры, музыки и др.). Синтетические искания – ярчайшее проявление русского европеизма эпохи «итога и концов во имя новой, неведомой культуры»¹. Культурологическое расширение сознания и явилось воплощением искомого синтеза и целостности, «становящегося всеединства»². Над дольным миром реет горняя София, просвечивая в нём как мудрость, красота и культура. Там, где отделены «мир горний» и «мир дольний», там невозможно подлинная культура, ибо она символична, полна священной символики. Обоснование идеи культуры в русской мысли Серебряного века явилось необходимым итогом Нового времени. Утверждение единства личностных и трансцендентных основ культуры было во многом полемикой с современной западной мыслью и новоевропейской «безрелигиозной цивилизацией», породившей «бессердечную культуру», распыление человека на уединённые атомы. Спасение из этого нового грехопадения человеческого разума – «в цельности»³. Идея синтеза породила невиданный расцвет художественной культуры, нашла своё воплощение в панэстетизме этой «артистической эпохи», культе красоты, способной спасти мир и намекающей на связи всего со всем. Синтетичны самые характерные художественные достижения рубежа веков. Синтетична и русская интеллектуальная традиция, стремящаяся «к целостности»⁴.

Поиск целостности, в искусстве – вселенское чувство означали смену парадигм в культуре Серебряного века: переход от антропоцентризма к антропокосмизму⁵. Развивая идеи Соловьёва о всеединстве, Вяч. Иванов писал о «предчувствии новой органической эпохи» и «искании вселенского синтеза и воссоединения разделённых начал»⁶, «нового синтетического мирозерцания»⁷. Под знаком синтетизма и неосинкретизма развивалась вся западноевропейская и русская художественная культура от романтиков, Ш. Бодлера, Р. Вагнера, А. Рембо до А.Скрябина, О. Мандельштама, Б. Пастернака. О «синтетическом поэте современности», которому доступна вся мировая культура, говорящем «на языке всех времен, всех культур», писал О. Мандельштам⁸. И эта синтетичность воплощалась в творчестве крупнейших русских поэтов эпохи символизма и постсимволизма. По словам А. Блока, «Россия – молодая страна, и культура её – синтетическая культура»⁹. Возрождались древние учения, утверждавшие единство мироздания. Культура рубежа веков, связуя микро- и макрокосм, искала выхода из кризиса современной культуры, утратившей цельность. Поиски синтеза

означали отказ от европоцентризма и возвращение к исконным индоевропейским корням: Соловьёв – Шеллинг – индийская философия всеединства¹⁰.

Поиски новой синтетической культуры были поисками нового религиозного синтеза – религиозной (связующей, соподчиняющей и обязывающей) формы отношений к великому целому. Искали «полноты христианского сознания, его третьей формы»¹¹. От Пушкина и Соловьёва в русскую мысль приходит универсальная надконфессиональная позиция, выражающая подлинный дух христианства, символом которой и была Святая София. В опустошённой церкви Божественной Премудрости С.Булгаков услышал зов к воссоединению христиан: «София – всенародна и сверхнародна, она... – вселенская церковь, все народы зовущие под свой купол... София была создана раньше великого церковного раскола»¹². Вселенская церковь обогащается новым моментом «мистического имманентизма... – признания всего естества вмещающим в себе божественную сущность»¹³. Вселенское чувствование присутствия божества в мире воплощалось в культе Вечной Женственности – Софии – красоты – поэта – художника. «Истинное художество – всегда теодицея; и недаром сказал сам Достоевский, что красота спасёт мир»¹⁴. Характерно, что в своей вере в красоту, намекающей на какие-то связи всего со всем, мыслители Серебряного века, начиная с Соловьёва, знаменитые слова героя Достоевского приписывали самому писателю. В катастрофическом романе Достоевского красота не спасает, а гибнет в этом мире. Но теоретикам новой органической эпохи важнее всего был софийный замысел художника о спасающей роли красоты. Носителем искомого нового религиозного синтеза является прежде всего поэт, художник, чувствующий живую ткань единого целого. Трансцендентная реальность воплощает себя в присутствии целого в частях, без чего нет подлинного искусства. Искусство софийно, художник «являет предвечный замысел в преходящих личинах мира»¹⁵. Искусство – двуединство восхождения и нисхождения. Мироутверждающее, космически ориентированное христианство русская философская критика Серебряного века находила в русской литературе – в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского и др.

Как писал А. Белый, «культура оказалась для нас чем-то самоценным», «все времена и все пространства превратились в ноты одной гаммы». Утрачивается чувство исторической дали. «В этом неослабевающем стремлении сочетать художественные приёмы разнообразных культур, в этом порыве создать новое отношение к действительности путём пересмотра серии забытых мирозерцаний – вся сила, вся будущность так называемого нового искусства». Глубочайшие противоречия современной культуры освещаются цветными лучами многообразных культур. «Мы ныне как бы переживаем всё прошлое»¹⁶. По-новому оживают Индия, Египет, Греция, средневековье. Новое открытие прежних эпох связано с поиском синтеза как ядра, как софийного, предвечного замысла культуры.

«Мистическая роза на кресте земли – таков был священный замысел средневековья»¹⁷, по словам Вяч.Иванова. Полнота христианского сознания связывается с примирением земного и небесного. В неопубликованной статье 1914 г. «О Новалисе», в конспекте лекции 1909 г. «Голубой цветок» Вяч.Иванов восстанавливает софийные замыслы романтизма – «небо, проникающее землю», тайна «небесной земли»¹⁸. Поиски синтеза означали «новое средневековье». Также углубляла русская мысль и представление об эпохе Возрождения, её синтетических замыслах. Специфику ренессансной культуры и Д.С.Мережковский («Пушкин»), и Н.А.Бердяев («Смысл истории») видят в стремлении к синтезу противоположных мировых начал, языческой и христианской мудрости. Потому с равным правом Серебряный век современники называли временем духовного Ренессанса. «Все творчески новое родится в Европе из соединения христианского начала с началом эллинским»¹⁹. Русская мысль Серебряного века в своей «жажде целостного мирозерцания, искании религиозного синтеза» и «религиозного возрождения» осознавала свое родство не только с эпохой романтизма, но и с эпохой Возрождения. В цитируемой статье «Весенний ветер» (1907) Д. Философов писал: «Психологически мы переживаем нечто подобное тому, что переживали люди эпохи Возрождения». Человек эпохи Возрождения в античной культуре искал новых сил. «Нам предстоит, не отрицая того праведного, что создала новейшая культура, взглянуть новыми глазами на христианство»²⁰. «Будет ли этот ренессанс христианским ренессансом, мы не знаем», – писал Г. Чулков в статье «Поэзия Вл. Соловьёва», но необходимым условием его должна быть живая надежда, что «сомкнется наконец земля с небом в едином союзе»²¹. Вновь культура в поисках целого была одержима пафосом возвращения к первоисточкам.

Художественная культура рубежа XIX–XX веков вновь ищет целостное мировидение. Поколение рубежа XIX–XX веков, поколение Ницше и Бергсона, Ван Гога и Сезанна, Врубеля и Блока доводит «горячую» культуру Нового времени «до ее предельного кипения»²². На исходе Нового времени происходит взрыв антропных (цивилизационных) ценностей: в живописи – отказ от прямой перспективы и идеологического содержания (импрессионистов интересует стихия света и цвета, «зачарованное, экстатическое переживание целостности бытия»²³); в поэзии – отказ от логоцентрической поэтики, переход к мифопоэтическим моделям с их семантической текучестью смысла. Эпоха «кипения» «горячей» культуры Нового времени вводит хаос в морфологию стиля, создавая, по определению В.П. Ракова, «релятивистскую поэтику»²⁴. В мысли начинается разрушительная критика и редукция основных понятий и ценностей культуры. Искусство, вслед за Ницше, «стремится покинуть рационально-моральное, сократовское и христианское измерение (т.е. логику этических противоположностей)»²⁵ и проникнуть в «гераклитовское» измерение логики неисключенного третьего, децентрированной логики по принципу «и – и». От-

крытость бесконечной и релятивной вселенной порождает мифологию целостности и нерасчлененности – «экстатическое переживание целостности мироздания – благого и страшного одновременно»²⁶ – в исступленной энергетике живописи Ван Гога, в планетарной структурности живописи Сезанна, в живописи Врубеля с его амбивалентными персонажами, в поэзии Блока с его амбивалентным мифом о России и мировой душе. Искомое целое Ницше называет дионисийской стихией жизни, Гете и романтики – Вечной Женственностью, Вл. Соловьёв – Софией, А.Блок – музыкой (дух музыки – «дух целостности»), для М. Хайдеггера – это гераклитовское бытие, открываемое сакральной речи поэта с ее бездонными глубинами смысла. Если рассматривать русскую культурную традицию и ее высшее достижение – русскую литературу в контексте новоевропейской культуры, – очевидно, что синтетические задания Нового времени дольше всего сохраняет русская культура, тогда как западная вступает на путь разрушения и редукции своих основ, ведущих к ситуации постмодерна²⁷. Ницше и Соловьёв были двумя великими современниками, существовавшими в противоположных духовных измерениях. Если идеи Ницше обозначают слом европейской традиции, переход к биокосмической парадигме мышления, Соловьёв ищет органический синтез божественно-человеческого-космического, возрождая символическое миропонимание, ставя проблему развития христианского миропонимания. Полярные философские системы Соловьёва и Ницше стали «крыльями Икара»²⁸ – русского Серебряного века, определившими противоречивость эпохи.

В эстетике Вяч. Иванова вычленимы важнейшие аспекты поисков нового синтетического мирозерцания. (1) Обретение мирового, космического сознания: «Восприимчивым и планетарным должен быть художник»²⁹. (2) Путь всеединения – путь символа, имеющего «сверхиндивидуальную» природу³⁰. (3) «В строе новой души этика является эротикой»³¹. Искомое сочетание этики и эротики – сочетание мудрости христианской и языческой воплотилось в культе Вечной Женственности – постижении сокровенной женственности бытия. (4) Приобщение к «рождающему хаосу» вело к трагическому по внутреннему антиномизму мироощущению. (5) Культ музыки как души искусства, как динамического и «неизреченного» ядра художественного сознания³², как согласия разногласного. Раскрытие символизма как миропонимания означало выявление важнейших аспектов синергийного ядра культуры (культуры в ее ренессансной органике): философия космизма и творчества, символизма, Эроса и Вечной Женственности, антиномизма, музыки. Данные начала являются и основными принципами формирующейся онтологической эстетики. Обратимся к главным идеям русского Возрождения, того религиозного синтеза, которого искал Серебряный век.

Новое антропокосмическое мировоззрение идет на смену отжившему антропоцентризму, возрождая космическое чувство, древнее ощущение

органической связи человека с окружающей его вселенной в новой, более совершенной форме как синтез древнего космизма и христианского персонализма. «Русский космизм» – это антропокосмизм, или «христианский космизм»³³, «активное христианство», как называл свое учение Н.Ф. Федоров³⁴, «вселенское христианство», в определении В.С. Соловьёва³⁵. Манифестом его явился бердяевский «Смысл творчества: Опыт оправдания человека» (1916). Духовным ядром Серебряного века был поиск нового религиозного синтеза, задача, сформулированная, например, Н.А. Бердяевым: «Бог, как личность, воспринимается лишь антропологически, в человеке, а в природе, космологически воспринимается как безличная творческая сила. Синтез же космологического откровения язычества и антропологического откровения христианства религиозно еще не испытан и не найден... В этом религиозном синтезе... должна раскрыться нераскрытая еще христианством тайна Божьего творения»³⁶. Пафос возвращения к истокам и новая творческая эсхатология, призыв к духовному перерождению человека, соединение науки и веры, разума и интуиции – вся эта проблематика становится опять понятной и актуальной на рубеже XX–XXI веков, в эпоху кризиса технократического отношения к миру и становления синергетики – принципиально нового видения мира в его целостности³⁷.

Сейчас все больше появляется публикаций на тему острой актуальности исканий русского антропокосмизма. «По всей вероятности, человечеству необходим поворот, идейным предтечей которого можно считать русский космизм», – по мысли А. Панарина³⁸. Исследователи русского космизма называют антропокосмизм «парадигмой будущего», это третий путь становящегося всеединства, о котором размышлял Вл.Соловьёв, вместо «антропоцентризма-индивидуализма-неоязычества» и «теоцентризма-коллективизма-фундаментализма»³⁹ как двух крайних путей современного развития. Подчеркивается связь русского космизма с его «синтетическим, целостным видением жизни человека», ее «бытийно-онтологическим истолкованием» с православной духовной традицией: он явился «формой выражения напряженной духовной работы по прояснению и воплощению эсхатологических замыслов восточного христианства»⁴⁰. Он воплощает формирование нового типа «космической рациональности»⁴¹. В эпоху экологического и духовно-ценностного кризиса «наша задача – открыть путь Космическому сознанию»⁴². Для постиндустриального общества, пишет А. Генис, характерно «возвращение к органической концепции мира. Возникает новая картина мира, в которой все связано со всем»⁴³. Новое опять рождается из старого. «Вселенная опять срастается в мир, напоминающий об архаическом синкретизме, не умеющем отделять объект от субъекта, дух от тела, материю от сознания, человека от природы»⁴⁴. Отсюда возникает современная потребность в диалоге науки с религией, интерес к мифу и мистике.

В русском антропокосмизме мир понимается как живой организм, всеединство, в котором все взаимосвязано. Человек – микрокосм, существо космическое, имеющее космическое назначение. Не песчинка мироздания, а сила творческая, способная к преобразованию себя и вселенной. Человек для П. Флоренского – антиэнтропийная сила, призванная к борьбе с хаосом и гармонизации – космизации мира. В мире, где хаос более вероятен, чем порядок, вырождение вероятнее возрождения и идет острая борьба созидания и разрушения, человек призван к созиданию порядка из хаоса, спасению жизни, гармонизации мира. Христианский космизм стремился к сочетанию светской и религиозной культуры, ставя проблемы нового религиозного сознания и нового религиозного искусства.

С точки зрения представителей современного русского космизма, эти поиски были рождением космического мировоззрения – нового мышления XXI века. В конце XIX–начале XX века в России началась Духовная революция. «Она заложила основы космической переориентации...философии, науки, искусства». В её пространстве формировалось «новое мышление космического мироощущения», она несла в себе тенденцию «к синтезу научного и вненаучного способов познания». Русские философы Серебряного века поставили проблемы «культурно-духовной эволюции человека». Эти мыслители «прозревали энергетическую целостность мироздания и его неразрывную связь с человеческим бытием», они размывали границы между «научным и метанаучным методом». Новое космическое мироощущение «вводило в науку категорию духа»⁴⁵, трансцендентной реальности, которая проявляется в присутствии целого в частях. Главной задачей эволюции является одухотворение материи, повышение её энергетики. Культура – в любви, в красоте и несёт в себе эту тонкую энергетику развивающейся гармонии. Это новое космическое мышление воплотилось в Живой Этике Н.К. и Е.И.Рерихов.

Философия всеединства выражает себя в символическом мироощущении. Символ – синергийное воплощение единства единичного и всеобщего, явления и сущности, чувственного и сверхчувственного. Символическое обоснование искусства – важнейшая софиологическая тема эстетики Серебряного века. «Всю свою жизнь, писал П. Флоренский, я думал об одной проблеме, о проблеме символа»⁴⁶. Символизм – это раскрытие духовных сущностей через покровы вещества, «таинственное высвечивание действительности иными мирами, просвечивание сквозь действительность иных миров, которое дается осязать, видеть, нюхать, вкушать, настолько оно определено, и которое, однако, всегда бежит окончательного анализа». Символизм воспринимает мир как тайну, жизнь как мистику: «тайна мира символами не закрывается, а именно раскрывается в своей подлинной сущности, т.е. как тайна»⁴⁷. Высший завет художника в эстетике Вяч. Иванова – «прозревать и благовествовать сокровенную волю сущностей», ибо художник – «орган Мировой Души, озаменователь сокровен-

ной связи сущего»⁴⁸. Отсюда следует знаменитый принцип «реалистического символизма» Иванова: «a realibus ad realiora» – от реального к реальнейшему, «от познания простых вещей к познанию вещей реальнейших»⁴⁹. Образцом подлинного символизма, ведущего к мифу, являлось для Иванова творчество Гете и Тютчева. «Со времени Гете определенно намечается в истории художественного сознания стремление к символическому обоснованию искусства»⁵⁰. Иванов много размышлял об архетипической, сверхиндивидуальной природе символа. С ростом научного познания человек чувствует себя изолированным в космосе, теряет своё символическое единение с природными ритмами. Этот контакт с внутренней жизнью мира сохраняет искусство. После Вяч. Иванова и К.Г. Юнга⁵¹ очевидно, что символ – язык интуитивной сопричастности миру. По А. Белому, «музыка идеально выражает символ. Символ всегда музыкален»⁵². В центр современной художественной культуры ставит музыку и Вяч. Иванов: в прежние эпохи «творчество было запечатлено единым архитектурным стилем», но «архитектура пала с падением храма как фетиша», «творчество будущего будет возникать из духа музыки и вливаться в ее всеобъемлющее лоно»⁵³. С духом музыки связывал стремление к «синтетическому миропониманию» и А. Блок⁵⁴. Символ музыкальной души искусства – Орфей, по словам Вяч. Иванова, «символ искусства..., освобождающего – свободного настолько, что оно освобождает пленный мир», изводя «из тьмы Красоту – жизнь»⁵⁵. Искусство, как и человек, имеет «мироустроительное» назначение, оно способно «освобождать и преображать мир»⁵⁶. Символом этого мироустройства была София.

Синтетические поиски эпохи воплощались в центральной мифологии Вечной Женственности. Это красота, способная спасти мир, и мифологические глубины бытия. Это концепт новой морфологии стиля, преодолевающего логицированную структуру риторико-классического дискурса и стремящегося к семантической темноте и мглистости. Это концепт новой культуры и нового типа мышления, в котором главенствует не борьба, а взаимодействие полярных начал. Это концепт философии жизни как вечного потока бытия (видение мира как живого организма, пронизанного Божеством) и в то же время восприятие мира как «творческой эволюции», вечного процесса одухотворения, просветления материи и намек на этот преображенный мир. В ней воплощается переход от логоцентризма к мифопоэтическому типу сознания с его исконным амбивалентным сочетанием полярностей. Мифологема Вечной Женственности содержит понимание истины как антиномии⁵⁷ и антиномическое понимание человеческой индивидуальности как двуединства души – духа с ее экзистенциальной потребностью в другом Я – Ты. Практически все интенции эпохи центрируются в этой исходной мифологеме. Образы Вечной Женственности переполняют живопись рубежа веков, как центральная тема символизма и модерна, начиная с живописи прерафаэлитов: работы Д. Г. Россетти, Э.

Берн-Джонса, Пюви де Шаванна, М. Дени, В. Борисова-Мусатова, К. Петрова-Водкина и др. Это Мадонна и София – Премудрость Божия, Саломея и Астарта, «девушка в белом» и муза, мать всего живого и красавица-смерть, Душа Мира и душа народа, Царевна-Лебедь и Европа, увлекаемая хаосом, невеста и раскольница.

Для теоретиков русского символизма «идея Вечной Женственности является жизнеспособным корнем нового религиозного сознания»⁵⁸. Культ Вечной Женственности – Мировой Души – Софии – Прекрасной Дамы – под разными именами составляет сущность западной и ближневосточной мистики, утверждаясь в библейской брачной символике⁵⁹ и неоплатонизме, имеющем определяющее влияние на ренессансную культуру и романтиков, суфизме, Каббале и поэзии – арабская и персидская лирика, рыцарская поэзия, Данте, Петрарка, Гете. «Счастлив поэт, который не потерял веры в женственную Тень Божества», – писал Вл. Соловьёв⁶⁰, находя эту женственную Тень в творчестве крупнейших лириков XIX века. С нею связана тайна его индивидуальности, состоящая в обретении мирового «я». Тема Вечной Женственности пронизывает русскую литературу XIX века как ощущение сокровенной женственности бытия. Истинная реальность – мировая гармония, вечная женственность, мировая душа, София, женственная, одушевленная, космическая красота. Она открывается русскому писателю как отражение Божьего лика, его энергема. Религию Вечной Женственности в русской культуре конца XIX века утверждает Вл. Соловьёв, называя в своей лирике имя «новой богини» – Вечная Женственность, «владычица земли, небес и моря», «темного хаоса светлая дочь».

По Н.А. Бердяеву, женственное начало соединяет с миром, несет в себе интуитивное знание о мире, в нем тайна мироприятия и церкви. Вяч. Иванов связывал переживания женственной части я с «переживаниями экстатического порядка»⁶¹, разрешением кризиса современного индивидуализма. Об особом творческом воздействии женского начала на весь ход жизни и особом типе женского творчества размышлял Н.О. Лосский: «Характерная черта женской природы есть умение жить целостною гармоническою жизнью и содействовать развитию такой жизни во всех окружающих ее, любимых ею существах». Женское творчество – это творчество самой жизни, «творение целостной жизни»⁶². Женщины в символистской среде становятся равноправными собеседницами. И потому становится понятным культ Вечно-Женственного в эпоху, стремившуюся к синтезу жизни и творчества.

Мифологический космизм, переживаемый как символическая сопричастность и эротическая окрылённость личности, в конечном счете, ведет к трагическому – антиномическому мироощущению, утверждающему амбивалентный закон двуединства противоположных начал, космоса-хаоса, дня-ночи, жизни-смерти, Аполлона-Диониса. Как писала Е.И. Рерих, «люди утратили ключ ко многим тайнам бытия... Человечество должно осознать вели-

кий Космический закон величия и равноценности двух начал, как основу Бытия»⁶³. Для А. Блока это новое мироощущение было выразимо через понятие близости к «музыкальной сущности мира». Стирается грань между личным и мировым, художник отдается «музыкальной волне, исходящей из мирового оркестра», слышит «мировую музыку»⁶⁴, в которой «Радость, страдание – одно», «Мелодией одной звучат печаль и радость».

В своём замысле эпоха символизма и модерна была устремлена к поиску синтеза, примиряющего индивидуализм с универсализмом, сочетающего личностное сознание с сознанием мировым, духовность с космизмом, антропное начало с переживанием потока бытия. Закономерен взлёт русской культуры как культуры дуальной в своём устремлении к высшей целостности и сближению полярностей. Софийно-теургическая эстетика Вяч. Иванова, А. Белого, П. Флоренского, С. Булгакова и др. в своих поисках нового синтетического миропонимания утверждала онтологическую концепцию творчества. Ядром этой новой онтологической эстетики является теологема Софии.

В этих поисках синтеза заявляла себя тоска постренессансного человека по органичности и цельности, а также исконно российское стремление к вселенскому преображению мира. Но как поняли творцы этой культуры уже в эмиграции: любое усилие «осуществить царство Божие или рай на земле в составе этого несовершенного мира с роковой неизбежностью вырождается в фактическое господство в мире адских сил»⁶⁵. Век масс трагически-пародийно и наоборот воплотил призывы к симфонической личности, хоровому высвобождению дионисийских энергий, мистерии, теургическому действу.

Синтетические искания, завещанные эпохой рубежа XIX–XX веков, нашли свои многообразные отражения в культуре XX века. К космической бесконечности, целостности вселенной обращено авангардное искусство В. Кандинского и К. Малевича, П. Филонова и М. Шагала. Принцип отражения целого в частях лежит в основе структурных исследований. Синергетическая парадигма сопрягает хаос и космос, стабильность и нестабильность. В результате этих синтетических исканий возникла и культурология как наука – явление, «специфичное именно для нашей страны»⁶⁶ с её размытыми границами культурологического знания, поскольку культура – разновидность всеединства в русской мысли, ищущей целого.

¹ С. Дягилев и русское искусство. В 2 т. Т.1. М., 1982. С.193.

² Соловьёв В. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В. Соч. В 2 т. М., 1989. С.134.

³ Ильин И.А. Путь к очевидности // Тарасов Б.Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе. М., 2008. С.866, 897.

⁴ Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С.183.

⁵ См.: Шахматова Е.В. Смена парадигм в культуре Серебряного века: от антропоцентризма к антропокосмизму // Вopr. культурологии. 2008. № 12. С.13–16.

⁶ Иванов Вяч. О русской идее // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С.366.

⁷ Иванов Вяч. О веселом ремесле и умном веселии // Там же. С.69.

- ⁸ Мандельштам О. Слово и культура // Мандельштам О. Соч. М., 1990. Т. 2. С. 171–172.
- ⁹ Блок А.А. Собр.соч. В 8 т.Т.6. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С.175.
- ¹⁰ См.: Шахматова Е.В. Восток как метафизическая парадигма идеи всеединства в культуре Серебряного века // Вопр.философии. 2008. № 3. С.147–162.
- ¹¹ Иванов Вяч. О Новалисе (1914) // Иванов Вяч. По звёздам. Борозды и межи. М.,2007. С.545.
- ¹² Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Цит. по: Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991. С.261.
- ¹³ Иванов Вяч. О Новалисе // Указ.соч. С.544.
- ¹⁴ Иванов Вяч. Древний ужас // Указ.соч. С.276.
- ¹⁵ Иванов Вяч. Чурлянис и проблема синтеза искусств // Указ.соч. С.487.
- ¹⁶ Белый А. Проблема культуры, Песнь жизни, Эмблематика смысла // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.18,172,26.
- ¹⁷ Иванов Вяч. О Новалисе// Указ.соч. С.546.
- ¹⁸ Иванов Вяч. Голубой цветок// Указ.соч. С.564.
- ¹⁹ Иванов Вяч. Гёте на рубеже двух столетий // Иванов Вяч. Родное и вселенское. С.242.
- ²⁰ Философов Д.В. Весенний ветер // Философов Д.В. Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908). СПб., 1909. С. 33–35.
- ²¹ Чулков Г. Поэзия Вл. Соловьёва // Вопросы жизни. 1905. № 4–5. С. 117.
- ²² Якимович А.К. Двадцатый век. Искусство. Культура. Картина мира: От импрессионизма до классического авангарда. М., 2003. С. 171.
- ²³ Там же. С. 95.
- ²⁴ Раков В.П. Апофатика литературно-художественного стиля // Раков В.П. Филология и культура. Иваново, 2003. С. 25.
- ²⁵ Якимович А.К. Двадцатый век. С. 138.
- ²⁶ Там же. С. 132.
- ²⁷ «Россия оказывается при этом местом реализации западного эроса, его фантазмов о последнем синтезе, вытесненных логической западной цивилизацией» (Гройс Б. Россия как подсознание Запада // Искусство кино. 1992. № 12. С. 8).
- ²⁸ Синеокая Ю.В. Проблема сверхчеловека у Соловьёва и Ницше // Вопр. филос. 2002. № 2. С. 79.
- ²⁹ Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 75.
- ³⁰ Там же. С. 40, 70.
- ³¹ Там же. С. 88.
- ³² Там же. С. 42.
- ³³ Русский космизм. М., 1993. С. 112.
- ³⁴ Там же. С. 68.
- ³⁵ Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С.242.
- ³⁶ Бердяев Н.А. Опыт философского оправдания христианства // Русская мысль. 1909. № 9. С. 70.
- ³⁷ Степин В.С. Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого // Вопр.филос. 1997. № 5. С. 9.
- ³⁸ Панарин А. О возможностях отечественной культуры // Новый мир. 1996. № 9. С. 177.
- ³⁹ Сагатовский В.Н. Антропокосмизм – парадигма будущего // Космизм и новое мышление на Западе и Востоке: Материалы международной конференции. СПб., 1999. С.91–93.
- ⁴⁰ Стрельченко В.И. Русский космос и европейская наука // Там же. С.73–75.
- ⁴¹ Тульчинский Г.Л. Два типа рациональности // Там же. С.66.
- ⁴² Налимов В.В. Критика исторической эпохи... // Вопр. философии. 1996. №11. С. 73.
- ⁴³ Генис А. «Мы уже не живем в эпоху героев и гениев» // Лит.газ. 1996. № 44. С. 5.
- ⁴⁴ Генис А. Вавилонская башня: Искусство наших дней // Иностран. лит. 1996. № 9. С. 210.

- ⁴⁵ Шапошникова Л.В. Космическое мышление и новая система познания // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века: Материалы междунар.конф. В 3 т. Т.1. М.: Междунар.Центр Рерихов, 2004. С.58–61.
- ⁴⁶ Флоренский П. Особенное // Флоренский П. Детям моим. М., 1992. С. 153.
- ⁴⁷ Там же. С. 157–158.
- ⁴⁸ Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 144, 185.
- ⁴⁹ Там же. С. 156, 207.
- ⁵⁰ Там же. С. 197.
- ⁵¹ См.: Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Человек и его символы / Под ред. К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 107–108.
- ⁵² Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 246.
- ⁵³ Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 41.
- ⁵⁴ Блок А.А. Собр.соч. В 8 т. Т. 6. С. 106, 101–102.
- ⁵⁵ Иванов Вяч. Лик и личины России: Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 176–177.
- ⁵⁶ Там же. С. 177, 181.
- ⁵⁷ «Истина есть антиномия» (Флоренский П. Столп и утверждение истины. Париж, 1989. С.153)
- ⁵⁸ Иванов Вяч. Гёте на рубеже двух столетий // Иванов Вяч. Родное и вселенское. С.267.
- ⁵⁹ Лебедев Л. Тайны древних икон // Наука и религия. 1989. №3. С.60–63.
- ⁶⁰ Соловьёв В.С. Философия искусства. С.521.
- ⁶¹ Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 92.
- ⁶² Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты: Основы эстетики. М., 1998. С. 271, 274.
- ⁶³ Рерих Е.И. Из писем, 1929–1938 // Грезы о земле и небе: Антология русского космизма. СПб., 1995. С. 297.
- ⁶⁴ Блок А.А. Собр.соч. В 8 т. Т. 6. С. 101–102.
- ⁶⁵ Франк С.Л. Свет во тьме // Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С.296.
- ⁶⁶ Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры: Опыт русской культурологии середины XIX–нач. XX веков. М., 2001. С.9.

Н.В. СЕРОВА

Морская государственная академия имени адмирала Ф.Ф.Ушакова,
г. Новороссийск

ТЕУРГИЙНЫЙ СМЫСЛ КРАСОТЫ В ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЯХ В.С. СОЛОВЬЁВА И В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВОПЛОЩЕНИЯХ ИСКУССТВА XIX – XX ВЕКОВ

Проводится исследование всесозидающей силы красоты, которая открывается в творческом преобразовании мироздания. Преодолевая хаос и разложение, она воссоздает мир в гармонии и целостности всех позитивных сил. Ее духовная суть воспринимается и воплощается человеком в разных видах творчества – в религии, искусстве, философии, науке и общественной жизни. В них она являет себя миру в зримой и доступной мышлению форме как вселенское, духовное и животворящее начало мира. Такое видение красоты открылось мысли выдающихся русских философов и покорило сердца великих мастеров искусства XIX–XX веков. Одним из первых, кто проникся ею, стал В.С.Соловьёв. В своих работах он раскрыл ее вселенский смысл и исторические пути осуществления. Поэтому